

Юрий ЛОБАНОВ
г. Уфа

ДОРОГА НА СОЛОВКИ

Как-то зимой еще перед Новым годом вечером сидели в лесной избушке у печки. Языки пламени, извиваясь, навевали разные образы и воспоминания. Незаметно зашел разговор о прошлых походах и путешествиях.

Кто-то в шутку спросил меня:

– А вот ты «с какого парохода и на каких морях ты побывал, моряк?»

Вспоминая, отвечаю:

– Хотя я и не моряк, но был на Японском море, на Беринговом, на Охотском, на Средиземном, на Красном, несколько раз на Балтийском и на Черном море...

– А на Белом море был?

Я задумался, а почему бы не махнуть этим летом на север, на Белое море, на Соловецкие острова, а заодно в Карелию...

* * *

Собирались ехать двумя машинами, но в последний момент наши напарники отказались, сославшись на какие-то обстоятельства. Возник

почти гамлетовский вопрос: ехать или не ехать одним в этот далекий путь по неизвестным дорогам и в случае сложных или непредвиденных ситуаций рассчитывать только на себя. Несмотря на определенный риск, решили: «Едем!»

Башкирию и Татарию прошли в дождь, за окном почти ничего видно: развязки в Набережных Челнах проходили «на ощупь», и только в Кировской области из-за туч выглянуло солнышко, которое затем сопровождало нас весь оставшийся путь.

Машин на трассе было очень мало (а гаишников вообще ни одного за все время путешествия!), поэтому на спидометр поглядывал нечасто. Навигатор вначале возмущался, пытаясь своим пиликанием привлечь наше внимание к превышению скорости, но потом, устав бороться, замолчал.

Костромские леса запомнились высокими корабельными соснами янтарного цвета и такого же цвета белками, довольно часто перебегавшими дорогу. Дороги здесь имеют интересную необъяснимую особенность – хорошее асфальтовое покрытие неожиданно обрывается, и дальше приходится перемещаться (а не ехать) по булыжникам и ямам чуть ли не со скоростью пешехода.

Потом так же неожиданно посреди леса вновь появляется широкая дорога.

Пройдя за сутки ровно тысячу километров, остановились на ночлег. Поужинали. С трассы доносился шум припозднившихся машин, под который мы сразу заснули, почти как под колыбельную.

Утром нас будит необъяснимый «зов дороги» – прилив энергии, неповторимые бодрящие ощущения, когда пропадает желание полежать, понежиться еще несколько минут, а хочется быстрее отправиться в путь.

Нужно встать пораньше, чтобы застать этот узкий промежуток времени между уходящей ночью и приходящим утром. Ночь собирает с небесного купола серебристые звезды в свою бездонную корзинку, а утро уже раскрашивает горизонт розоватыми пастельными красками.

Как хорошо выезжать со стоянки рано утром, когда фуры дальнбойщиков еще спят, звука мотора почти не слышно – только шорох шин и освежающий утренний ветерок через приоткрытое стекло. Необъяснимое чувство свободы, все мысли улетают вверх в небо, становится легко, и ты в движении сливаешься с машиной. И только когда в заднем зеркале появляется полоска утренней зари, включаешь любимую музыку и прибавляешь газ.

* * *

На всем протяжении нашего путешествия по полянам у дорог постоянно встречаются розовые заросли иван-чая, мы даже придумали (пусть не по-есенински) слоган: «Россия – страна иван-чаевого штапеля».

Обед решили построить на берегу Онего, свернули с трассы на лесную дорогу и по ней выехали на озеро. Оно нас просто поразило. Что о нем можно сказать одной фразой – это просто море! А на берегу – огромные сосны, кусты можжевельника, черника, брусника и песчаные дюны с огненно-оранжевыми цветками.

Ветер гнал к берегу небольшие волны и шумно раскачивал верхушки сосен. Он нес бодрость, свежесть...

Заночевали в деревушке, на берегу заросшей старицы. Изба была сделана из толстых вековых сосновых бревен с окошками-бойницами, прорубленными, в отличие от наших, не вертикально, а горизонтально. В избе были три кровати, как в сказке о трех медведях, большая – Михайлы Иваныча, средняя – Настасьи Петровны и поменьше – Мишуткина. Поскольку ночевали мы только вдвоем, то, по понятным причинам, выбрали широкую кровать – Михайлы Иваныча.

Из предвечернего тумана показалась лодка, на которой хозяин вернулся с рыбалки. Хозяйка подтопила большую русскую печь, ведь это все-таки Север, на ужин принесла зажаренных судаков, которых совсем недавно выловил ее муж.

– Чай вскипятите сами, я принесла родниковую воду, – показала она на деревянное ведро, напоминающее небольшую кадочку.

– Я завтра рано утром уеду, – добавила она, – поэтому дверь и ворота закройте сами.

Ночи здесь белые, за окошком таинственно блестит гладь озера, на которой луна плавает вместе с желтыми кувшинками, покачиваясь на дрожащей водной глади. Она, наверное, приняла их за своих подружек-звездочек и поэтому к ним спустилась. Почему-то мне вспомнились байки о русалках, поэтому подходить близко к воде как-то расхотелось.

* * *

Утром укладываем вещи в машину. Как неохота покидать это сказочно-былинное место, которое мы запомним очень надолго.

Дальше наша дорога идет вдоль Волго-Балтийского канала и выходит на федеральную трассу М18 – «Кола», которая соединяет Санкт-Петербург с Мурманском.

Две с половиной тысячи километров шоссейных и проселочных дорог намоталось на колеса нашего автомобиля, когда мы оказались в городе Кемми, где заканчивался наш сухопутный путь. В той самой: «Я-я! Кемска волость», которую в фильме «Иван Васильевич меняет профессию» посол шведского короля просил у Ивана Грозного.

Хотелось бы рассказ продолжить на шутовой ноте, но не получается, ведь в пригороде Кемми – поселке Рабочеостровске – располагался пересыльный пункт заключенных в Соловецкий лагерь особого назначения (СЛОН), созданный в 1923 году. Как было написано в передовице одной из тогдашних газет: «Шпионы, воры, бандиты, растратчики и контрреволюционеры изолируются на Соловецкие острова Белого моря».

Темные серые дома и бараки поселка и сейчас напоминают о тех временах. Всячески стараемся отогнать мрачные мысли, и разговор переходит на фильм Павла Лунгина «Остров», который снимался в этих местах.

Переночевав в кемпинге, грузимся на местного трудягу – пароход «Василий Косяков». Неуютный берег постепенно отходит и теряется. Нас провожают только стаи чаек, которые назойливо выпрашивают еду, ловко на лету выхватывая из

рук кусочки хлеба.

Белое море вовсе не белого, а глубокого темно-синего цвета, на котором очень красиво смотрятся расходящиеся от парохода пенящиеся буруны волн. Постепенно чайки отстали от парохода, пассажиры успокоились, некоторые задремали, мысленно готовясь к встрече с монастырем, и только молодая ярко-рыжая карело-финская лайка весело и беззаботно играла на палубе.

Через два часа на горизонте показалась земля, а затем и величественный, будто из сказки, Соловецкий монастырь, окруженный крепостными стенами, с возвышающимися серыми куполами церквей.

* * *

Первые монахи Савватий и Герман высадились на пустынном диком берегу Большого Соловецкого острова в 1429 году и жили здесь в отшельничестве. Они построили небольшую келью – крошечный островок православия, который через годы и века превратился в огромный величественный Соловецкий монастырь, духовный оплот нашей веры и в неприступную оборонительную крепость всего Русского Севера.

Монастырь отгорожен от внешнего мира высокими десятиметровыми стенами из огромных валунов, которые не раз его спасали от нашествия иноземцев.

Монастырь имеет форму пятиугольника, похожего на пlying корабль, только этот корабль движется не по водным просторам, а по бурному морю времени, по морю истории, по морю жизни...

Вокруг монастыря всего три-четыре десятка домов, скорее барачков, из почерневших бревен. Они были построены в суровые 30-е годы, и их угрюмый облик не могут смягчить даже современные пластиковые стеклопакеты, появившиеся в последнее время. Более того, они своим холодным блеском даже усиливают это тяготящее впечатление.

Обособленность поселка от материка сказывается на быте живущих здесь людей. Конечно, здесь есть и спутниковое телевидение, и интернет, у некоторых современная бытовая техника и даже бронированные двери. Но самое удивительное, что замков на дверях нет, точнее есть только один, но очень оригинальный. Мы присвоили ему название «замок марки ШВ». Почему такое название? Потому что, когда хозяйка уходит из дома, дверь просто подпирают обыкновенной шваброй, чтобы соседи знали, что дома никого нет. Здесь нет воровства – все равно с острова никуда не убежишь.

В самом большом деревянном бараке поселка расположены два магазина: продуктовый и промтоварный. Они напоминают советское сельпо не только внешним видом, но и ассортиментом. Зайдя за продуктами, обнаружили полупустые полки. Оказывается, товары на остров завозят только один раз в неделю.

* * *

Каждый день нашего пребывания мы использовали для знакомства с этими удивительными местами, бродя пешком по острову, любуясь неповторимой северной красотой. Особенно красивы «голубые глаза озер с остроконечными елями-ресницами», а озер на Соловецких островах – несколько сотен! Здесь много ягод, грибов, правда, морошка еще не поспела.

В одну из таких прогулок пошли пешком по лесной дороге на остров Большая Муксалма. В некоторых местах встречались старые дорожные столбы, отмечающие расстояние в «соловецких верстах». Одна «соловецкая верста» равняется периметру стен монастыря и составляет примерно один километр восемьсот метров.

Остров Большая Муксалма соединен с Большим Соловецким рукотворной дамбой длиной более километра, проложенной прямо по дну пролива Белого моря. Дамба сделана из огромных камней-валунов без всякого раствора, на ней могут спокойно разъехаться две повозки. Посредине дамбы сделаны три арки, пропускающие воду во время приливов и отливов. Ее прокладывали не напрямую, а по отмелям, поэтому форма получилась извилистая, как будто гигантская доисторическая каменная змея переползает по морю с одного острова на другой.

Любопытна история ее создания. По строгому монастырскому уставу было запрещено поблизости от монастыря разводить «живородящую скотину, дабы монахи блуда не наблюдали», поэтому весь домашний скот содержали на острове Большая Муксалма. Но через пролив можно было проходить только на лодках, что было трудно и опасно из-за штормов и сильных течений. Поэтому и соорудили эту уникальную дамбу высотой четыре метра.

Из таких походов мы всегда возвращались с мешочками, полными грибов, и не было ни одного дня, чтобы ужинали без жареных лисичек. Если продолжать разговор о еде, то больше всего в здешних местах нам понравилась свежепосоленная соловецкая селедка, которую мы покупали у местного рыбака. Она по вкусу удивительно нежная и немного напоминает хариуса.

* * *

На островах Соловецкого архипелага расположено несколько скитов, один из них – Свято-Вознесенский – расположен на Секирной горе. На куполе трехъярусного белокаменного храма был сооружен маяк, свет которого указывал странникам, паломникам и мореходам путь на Соловки. Именно в этих местах высадились на остров первые старцы, и Секирная гора является наиболее почитаемой для паломников.

Но у этого места есть и другая, темная, история – тут размещался один из самых строгих штрафных изоляторов для заключенных печально известного «Архипелага ГУЛАГ».

Приступая к этому рассказу, долго не мог выбрать сюжетную линию, она то менялась, то вообще пропадала. Потом понял, что это связано с теми событиями на соловецкой земле, к которым я прикоснулся.

Контрасты и трагические изломы истории на Соловках просто невероятны, ничем не объяснимы и не поддаются никакому осмыслению.

На этой земле монахи и иноки добровольно, по велению сердца совершали высокий духовно-нравственный подвиг служения Богу, и здесь же спустя годы ни в чем не повинные люди испытывали страшные физические страдания, подвергались издевательствам и пыткам.

Некоторые монахи Соловецкого монастыря принимали очень строгие обеты, накладывая на себя епитимьи, одна из которых была в том, что всю жизнь они должны спать сидя на деревянных скамьях. Но это был их духовный выбор.

И в этих же местах, в этих же храмах в 30-е годы заключенные вынуждены были спать на каменном полу друг на друге в три яруса. Изошренность издевательств, уничтожение человеческого «я» проявлялась в том, что с утра выживших заставляли весь день переносить воду по озеру из одной проруби и выливать в другую. И так изо дня в день.

Сейчас на Секирной горе установлен высокий деревянный поклонный крест в память о соловецких жертвах и мучениках.

* * *

На Соловках много уникальных природных заповедных мест. Пожалуй, самыми загадочными являются острова с необычным названием – Кузова. Посредине синего моря вырастают ска-

листые гранитные красновато-коричневые берега, поросшие мхами, лишайниками и скудной тундровой растительностью. На вершинах скал находятся сейды – или «летающие камни», как их называли древние жители саамы. Сейды представляют собой крупные до пяти метров валуны, непонятным образом установленные на «каменные ножки» из нескольких маленьких камней. По саамским поверьям, в сейдах живут потусторонние духи, прилетающие из другого мира. Возраст сейдов более пяти тысяч лет, и до сих пор происхождение их не объяснено. По одной из гипотез, эти мегалитические комплексы были сооружены древней цивилизацией, владевшей инженерными навыками и знаниями о строении земной коры, поскольку много сейдов располагается в местах геологических разломов. Другие исследователи связывают их с таинственной Гипербореей, некоторые – с местами культовых поклонений и жертвоприношений.

Поднявшись на скальную вершину острова, ощущаешь себя в другом, каком-то фантастическом мире, и этот мир с необычайной красотой и бесконечности уходит за горизонт.

* * *

Но есть еще одно место на Соловецких островах, не посетив которое нельзя считать, что был на Соловках, – это остров Анзер. Он имеет статус «строгой заповедности», и попасть туда можно только с благословения наместника Соловецкого монастыря.

В XVII – XVIII веках на острове были устроены монашеские скиты – Свято-Троицкий, а затем Голгофо-Распятский, в которых действовал суровый устав, введенный основателем скита Елеазаром Анзерским. Устав предписывал строгий круглогодичный пост. Кельи монахов были обособлены друг от друга на расстоянии одной версты, а видеться они могли только во время воскресных богослужений. Здесь в 1636 году будущий патриарх Никон принял монашеский постриг.

Добраться до острова нам удалось, только пройдя испытания: все два часа был шторм и непрерывно шел дождь. Наш маленький, я бы сказал – утлый катерок постоянно болтало на высоких волнах, и выйти на палубу подышать не было никакой возможности.

Причала на острове нет, поэтому от катера до берега добираемся на обычных лодках. Остров Анзер – самое почитаемое паломниками место, его называют также русской Голгофой. Монашеские скиты в 20-30-е годы не избежали участи

самого монастыря, здесь было создано одно из отделений Соловецкого лагеря, где содержались в основном больные заключенные. И как память об их страданиях на горе Голгофе выросла береза в виде креста.

Женщина по имени Катерина, которая нас сопровождала, еще на берегу сняла обувь и весь путь в 12 километров прошла по камням и болотным гатям босиком, несмотря на дождь и холодный ветер.

Время на Соловецких островах то проносится быстро, то замедляет до неподвижности свой бег, но все равно наступает момент расставания.

Покидали Соловецкие острова мы рано утром, когда морской туман медленно растворялся под теплыми лучами солнца. Оно на прощание осветило Соловецкий монастырь, чтобы хоть немного согреть его холодные камни.

* * *

Вернувшись «на материк», мы продолжили свое путешествие теперь уже по Карелии. Еще в Уфе мы запланировали посетить один из крупнейших в Европе равнинный водопад Кивач. Его шум слышно издали. Огромный поток воды падает по трем каменным ступеням, пробитым в скалах. Энергия водопада переходит к тебе, снимая дневную усталость и заряжая на новые путешествия. Только внизу водопад немного успокаивается и отдает свои воды красавице-речке Суне.

Как я смею о нем говорить после того, как его красоту воспел в своей оде «Водопад» великий русский поэт Гавриил Державин?

*Алмазна сыплется гора
С высот четыремя скалами,
Жемчугу бездна и сребра
Кипит внизу, бьет вверх буграми;
От брызгов синий холм стоит,
Далече рев в лесу гремит.*

*Шумит и средь густого бора
Теряется в глуши потом;
Луч чрез поток сверкает скоро;
Под зыбким сводом дрв, как сном
Покрыты, волны тихо льются,
Рекою млечною влекутся.*

Отсюда мы отправляемся в обратный путь, собираясь заехать в город, в котором плетутся удивительные северные кружева, делают самое вкусное сливочное масло, город, где дома с рез-

ными палисадами, ну, конечно же, в Вологду.

Но, не доезжая ста километров до Вологды, на карте видим, что неподалеку находится монастырь, построенный еще в 1398 году, – разве можно мимо него проехать? Сворачиваем с трассы, проезжаем четыре километра по лесу и видим чудо: над озером на высоком берегу стоит монастырь, окруженный белыми стенами, – знаменитый Ферапонтовский монастырь. Заходящее за озеро солнце своими лучами окрасило его в нежный розоватый цвет, добавляя какой-то теплоты.

Уже вечерело, поэтому решили где-нибудь заночевать. Нам невероятно повезло: хозяйкой дома была дочь бывшего смотрителя монастыря Вьюшина В.И., сохранившего его от разрушения.

Рано утром заходим через железные ворота внутрь, сдерживая волнение, ведь здесь в Рождественском соборе монастыря находятся фрески, написанные великим иконописцем Дионисием. Фрески являются памятником мировой культуры и включены в фонд наследия ЮНЕСКО. Они сохранились в первоизданном виде, при их реставрации не добавили ни грамма краски, поэтому в храме ты особо остро ощущаешь невидимую связь с пятисотлетней историей.

В Вологду смогли заехать только на полдня и, конечно, осмотреть полностью этот замечательный город нам не удалось, но мы твердо решили, что сюда обязательно вернемся.

Обратная дорога прокатилась незаметно – слишком уж много было впечатлений от увиденного за время путешествия, чувства просто переполняли.

* * *

Возвратились в Уфу запоздно. Я поставил машину на стоянку, открыл дверь, и вечерний ветерок, пробежав по салону, приятно охладил уставшее лицо. Из машины не выхожу – неохота с ней расставаться, ведь она стала нашим третьим участником, нашим товарищем и в пути ни разу не подвела.

Спустя несколько дней приходит осознание того, что такого путешествия у меня еще не было. Совсем как в песне Юрия Визбора: «И вот старый дом открывает наш ключ, бывавший в иных мирах». Ведь Соловки – это иной мир, и в этом мире нам довелось побывать.

По вологодским лесам и монастырям

Побывав в иных мирах Русского Севера, не вернуться сюда снова было невозможно. Они влекли нас не только своей богатой историей, но и неповторимой красотой северной природы.

На этот раз целью путешествия были монастыри земли вологодской, и, конечно, главные из них – Кирилло-Белозерский и Ферапонтовский.

Как и в прошлый раз, мы поехали на машине в том же составе: нас двое и третий полноценный надежный участник путешествия – серебристая «ласточка». Машина уже знала дорогу, поэтому с нетерпением устремилась вперед. Леса, перелески, поля, озера, реки, небольшие города мелькали за окном, сменяя друг друга. Почти ничего не изменилось с прошлого раза, даже участки дороги с недоделанным полотном.

К концу дня разгоряченная машина останавливалась у одного из редких в этих местах кемпингов и отдыхала под пеленой прохладного вечернего тумана, чтобы пораньше с утра продолжить путь.

На второй день решили остановиться на обед в красивейшем лесу, где ноги утопают в мягком мху, где уже появилась брусника и зреют кустики черники, где стройные сосны упираются своими верхушками в волнисто-кучерявые облака и раскачивают их. Таких красивых мест не так уж много, и, побывав в них, убеждаешься в правоте слов Пржевальского: «А жизнь еще прекрасна тем, что можно путешествовать!»

До Вологды проехали почти полторы тысячи ки-

лометров, но задерживаться не стали, решив осмотреть ее на обратном пути, и поехали дальше в Ферапонтов монастырь, где и будет располагаться наша основная база. Остановились мы у гостеприимной хозяйки по имени Зинаида – дочери смотрителя монастыря, у которой мы ночевали во время первого путешествия на Соловки.

Монастырь был основан в 1398 году монахом Ферапонтом. Он расположен на возвышенности между двумя озерами – Бородаевским и Спаским. Вода перетекает из одного озера в другое по маленькой и тихой речушке Паске. Это непрерывное течение воды – как течение времени из прошлых веков в настоящее, как движение чётков при молитве в монашеских руках.

Сидя на пригорке у монастыря, невольно погружаешься в это бесконечное течение времени. Сюда на богомолье приезжал Иван Грозный и, может быть, также вечерами наблюдал эти фантастические закаты с сиреневато-розовыми пастельными оттенками. Облака на горизонте сливаются с водной гладью, и озеро уходило в небо.

Какое-то необыкновенное успокоение витает в этих местах. Наверняка сердце даже самого сурового правителя не может не смягчиться при виде таких чудес, рожденных северной природой.

Может, и великий русский иконописец XIV века Дионисий со своими сыновьями после долгих дневных трудов смывали усталость в прохладной и целительной озерной воде и в этих удивительных пейзажах черпали вдохновение для своих работ.

Интересно, о чем они думали, о чем мечтали. Полагали ли они, что их творения дойдут до потомков через много столетий?..

Стены монастыря многое повидали на своем веку, и их история могла бы не дойти до нас, если бы не вклад таких подвижников, как скромный местный смотритель Выюшин В.И., который в трудные послевоенные годы своим бескорыстным служением сумел сохранить от разрушения фрески Дионисия.

– Отец вернулся с войны без одной ноги, – рассказывает Зинаида, – и охранял монастырь, когда не было даже простых ограждений. Однажды он развернул назад обоз с урожаем картофеля, вопреки решению сельсовета устроить в монастыре овощехранилище.

Сколько разрушенных церквей, не нашедших своих защитников, встретилось нам по пути. Они с немим укором зияли пустыми черными дырами оконных проемов.

Сейчас Ферапонтовский монастырь является памятником истории и культуры федерального значения и внесен в список памятников Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Дом Выюшинных стоит прямо на берегу озера, неподалеку от монастыря. Рядом расположена баня, которая поразила нас толстыми, почти полуметровыми бревнами. Из маленького окошка видно озеро. Какие неповторимые ощущения испытываешь в такой бане, когда, распаренный, окунаешься в прохладные воды. Справа темный силуэт монастыря, слева догорающая полоска заката, а над головой на темном куполе неба появляются первые звездочки.

Под светом этих звезд святая вера вела в далекие времена на север монахов Кирилла и Ферапонта, которые уже в немолодом возрасте пошли в эти места, чтобы найти уединение и покой для молитв.

Каково было пробираться по этим глухим вологодским лесам без дорог и даже тропинок, мы испытали на себе, когда ходили за грибами и ягодами.

За годы путешествий я побывал и в сибирской тайге с высокими кедрями, и на Сихотэ-Алине с настоящими джунглями, и в Якутии, где из-за суровости климата выживают только лиственницы да карликовые березки, и на Камчатке, где после извержений на вулканическом пепле поднимаются деревья и пышные травы в рост человека, но вологодские леса на них не похожи.

Они меня поразили своей дремучестью и таинственной сказочностью. Сразу вспоминается песня Высоцкого «В заповедных и дремучих, страшных Муромских лесах...» Слава богу, нечисть нам не повстречалась, но все равно становится не по себе, когда густые кроны не пропускают свет солнца, когда кружевные мхи, спускаю-

щиеся с веток деревьев, создают таинственный занавес, когда выступающие корневища цепляют за ноги. И только небольшие полянки с рыжими веселыми лисичками и подберезовиками с подосиновиками на крепких ножках радуют глаз.

Все дальше и дальше заходим в лес, все меньше слышны внешние звуки, и уже начинаешь различать суровую мелодию ветра в раскачивающихся кронах деревьев, иногда раздается резкий скрип стволов, похожий на крик, и пугающий шум крыльев вспугнутой птицы. Вот уже и полное ведро грибов, но лес не отпускает, стараясь запутать тебя, убаюкать мягким мхом, отвлечь красноватыми огоньками горящей брусники и костяники. Лишайники на стволах деревьев растут со всех сторон, поэтому направление на север определить невозможно, и только большой опыт ориентирования в походах позволяет выбрать-ся из глухих мест на дорогу.

Побывав в здешних суровых лесах, совсем по-другому воспринимаешь великий духовный подвиг подвижников нашей Родины, осваивающих северные края, и известных, чьи имена дошли до наших дней, и неизвестных...

Пройдя много дней и ночей, Кирилл и Ферапонт однажды вышли к большой горе Мауре неподалеку от Сиверского озера. В лучах заходящего солнца случилось видение, что на холме у озера стоит монастырь. В этом месте Кирилл выкопал землянку-келью и построил небольшую часовню. Так в 1397 году было положено начало Кирилло-Белозерскому монастырю.

Монах Ферапонт отправился дальше, чтобы найти полное успокоение, впоследствии основав в 20 километрах Ферапонтов монастырь. По преданиям, Ферапонт, чтобы уединиться для молитвы, выстроил остров в озере неподалеку от монастыря. Он изо дня в день грузил на лодку большие камни, на веслах отвозил их и сбрасывал в озеро, пока не образовался остров. На этом острове он поставил крест, под которым обращался к Богу.

Кирилло-Белозерский монастырь со временем вырос и стал опорным пунктом русской земли, одним из крупнейших монастырей, центром духовной жизни на севере России. Через него проходили торговые пути к Белому морю, что было очень важно для экономического развития государства.

В 1528 году великий князь Василий III с княгиней Еленой Глинской приезжали в Кирилло-Белозерский монастырь с молитвами о даровании наследника, и через два года у них родился сын, впоследствии известный как царь Иван IV Грозный.

В XVI веке вокруг монастыря были построены каменные крепостные стены высотой более 10 метров, толщиной 7 метров и протяженностью около

километра. В стенах монастыря расположено восемь башен, самая высокая из них – Московская достигала сорока метров. Все это делало монастырь неприступной крепостью. Недаром патриарх Никон относил Кирилло-Белозерский монастырь к трём «великим царским крепостям», вместе с Троице-Сергиевым и Соловецким монастырями.

В таких местах ты осознаешь силу духа нашего народа, ощущаешь свою связь с событиями прошлых и настоящих лет и понимаешь, что ты не маленькая песчинка в фундаменте истории русского государства, а продолжатель дела, начатого нашими предками, и след твоей жизни, пусть и скромный, останется на земле.

Свою поездку к Кирилло-Белозерскому монастырю мы начали, конечно же, с похода на гору Мауру. На ее поросшей лесом вершине лежит огромный камень, с которого, по легенде, преподобному Кириллу привиделся монастырь. Мы тоже поднялись на этот камень и посмотрели в направлении монастыря, чтобы попытаться погрузиться в те далекие времена и события, но ничего не увидели. Я не мог удержаться, чтобы не снять на фотоаппарат панораму красивой северной природы.

В своих поездках и путешествиях я никогда сразу не просматриваю отснятые кадры. Только вернувшись домой, выбираю и компою их, чтобы получился своеобразный фоторассказ.

Когда я дома посмотрел фотографии, сделанные с камня на горе Мауре, то был просто ошеломлен: на горизонте, как мираж, возвышались и парили в воздухе купола величественного Кирилло-Белозерского монастыря. Конечно же, это не чудо, ведь у моего фотоаппарата стократный зум, но в душе хотелось верить, что это видение в таком образе дошло до нас спустя полтысячи лет!

Дальше наш путь лежит в Горицкий Воскресенский женский монастырь, расположенный на берегу реки Шексны.

Этот небольшой монастырь совсем не похож на величественный Кирилло-Белозерский, хотя его история по драматизму не уступает другим монастырям. Стены монастыря хранят много тайн, помнят много пролитых женских слез.

Он был основан в 1544 году княгиней Ефросиньей Старицкой, женой князя Юрия Васильевича, родного брата царя Ивана Грозного, которая затем была пострижена в монахини под именем Евдокия. Здесь же она приняла насильственную смерть – опричники по доносу утопили ее с тремя монахинями в реке Шексне.

Со временем в монастырь против воли заключались жены и родственницы из знатных родов, и даже царственные особы. Здесь приняла постриг

жена Ивана Грозного Мария Нагая – мать царевича Дмитрия. В Горицкий монастырь позже были сосланы дочь Бориса Годунова царевна Ксения, невеста императора Петра II княжна Екатерина Долгорукова...

Сейчас монастырь находится в полуразрушенном состоянии, хотя некоторые храмы восстанавливаются. Вызывает некое умиление маленькая деревянная колоколенка в виде беседки с десятком ступеней на зеленой лужайке. Мы встретили в монастыре только несколько человек – трудников, занимающихся скромным подсобным хозяйством.

– А где же монахини? – спросили мы у женщины в церковной лавке.

– Они очень старые, им очень тяжело было бы подниматься на высокую колокольню, а сейчас и вовсе из келий не выходят. Их сейчас осталось только четверо.

Сделав паузу, добавила:

– Они молятся за вас.

У нас сразу возникло ощущение, что сюда нужно было приехать только ради того, чтобы услышать такие трогательные слова.

Вечером после поездки намечаем новый маршрут, ведь хочется увидеть больше новых мест и узнать их историю.

С утра едем в Белозерск, один из древнейших северных городов, который в летописи «Повесть временных лет» упоминается как поселение Бело-озеро, основанное в 862 году, когда призывали варяга Рюрика с братьями на княженье.

«И избралось трое братьев со своими родами, и взяла с собой всю русь, и пришли прежде всего к славянам. И поставили город Ладогу. И сел старший, Рюрик, в Ладоге, а другой, Синеус, – на Белом озере, а третий, Трувор, – в Изборске. И от тех варягов прозвалась Русская земля» – сказано в летописи.

Удивительно закручивается спираль истории, когда династия Рюриковичей, заложенная в этих краях, закончилась спустя несколько веков на сыне Ивана Грозного, рождение которого было вымолено в северных монастырях.

Годы и столетия летят, все меняется, и только стаи бесчисленных чаек кружат над Белым озером, как и в далекие, «теперь былинные», времена.

Из Белозерска, завершая путешествие, заезжаем в Вологду – этот город из детских сказочных книг, со множеством красивейших храмов с высокими колокольнями, со сверкающими серебряными куполами. На берегу одноименной речки, протекающей через город, стоит ажурная кованая скамейка «Посидим – поокаем», а на ней бронзовая гармошка и книга со стихами Николая Рубцова:

*Выпал снег – и все забылось.
Чем душа была полна!
Сердце проще вдруг забилось.
Словно выпил я вина.*

*Вдоль по улице по узкой
Чистый мчится ветерок,
Красотою древнерусской
Обновился городок.*

*Снег летит на храм Софии.
На детей, а их не счесть.
Снег летит по всей России,
Словно радостная весть.*

*Снег летит – гляди и слушай!
Так вот, просто и хитро,
Жизнь порой врачует душу...
Ну и ладно! И добро.*

Но у Вологды есть и другое прошлое, о котором вспоминается в музее писателя Варлама Шаламова, человека с большой волей и трагической судьбой. Да, история российская очень многогранна, многолика и многотрудна.

Завтра возвращаемся домой...

Отгадайте, что мы привезли из этой поездки, не говоря о незабываемых впечатлениях и прекрасных фотографиях?

– Вологодские кружева, иконы, поморский праздничный сарафан, вологодское масло в горшочках, целебный бальзам на морозке и княженике, деревянные расписные ложки, – перечислите вы и будете правы.

Но мы привезли из северных миров еще одну удивительную вещь.

Это керамическая куракинская жаровня, изготовленная по старинным рецептам XVI века из красной глины. Вначале глина на зиму замораживается, затем все лето «дышит» кристально чистым воздухом окружающих лесов и полей, затем помещается в земляные погреба, где она обезвоживается и каменеет. После этого её размалывают каменными жерновами, размачивают в воде с молоком и закладывают в формы, где она обжигается на огне из березовых поленьев. В результате получается бархатистая на ощупь теплая поверхность с неповторимыми красно-коричневыми цветовыми оттенками.

Недорогая жаровня стала очень важной для нашего очага.

P.S.

Друзья, которые приходят в гости послушать рассказы о наших путешествиях в далекие и интересные места, посмотреть фотографии, очень часто просят приготовить жаркое из мяса с грибами непременно в куракинской посуде.

Почему?

И так понятно: получается очень вкусно!

Юрий Викторович ЛОБАНОВ

родился 2 июня 1949 года в г. Белорецке.

В 1971 году окончил Уфимский авиационный институт им. Орджоникидзе.

Двукратный победитель первенства СССР по спортивному туризму.

Произведения опубликованы в книге «Страницы походного дневника»,

в Ежемесячном общественно-политическом

и литературно-художественном журнале «Бельские просторы»,

журнале «Техника – молодежи», газетах «Советская Россия»,

«Советская Башкирия», «Вечерняя Уфа», «Авиатор».

Книга «Страницы походного дневника» отмечена

грамотой Министерства молодежной политики и спорта

Республики Башкортостан «За лучшую книгу о туризме» (2014).

В журнале «Север» публикуется впервые.

